

УДК 124 + 94(470)«1894/1917»

Апрелева Виктория Александровна

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Тюменского архитектурно-строительного университета
тел.: (912) 993-29-35

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА О ЛИЧНОСТИ НИКОЛАЯ II

В статье предлагается сопоставление критического и апологетического дискурса о личности и правлении Николая II, осознание значимости царской власти в различных кругах общества XX в. Монарх и отношение к нему предстают в качестве предмета социальной феноменологии, а исследование, дополненное лингвистическим дискурсом, таким образом, расширяет рамки, становясь комплексным и многоплановым. Ценность статьи в том, что для подтверждения апологетической позиции используются материалы личных архивов военных русских эмигрантов во Франции.

Ключевые слова: критика, апологетика, военная эмиграция, монархия, власть, тема вины, покаяние, стиль, эмфатичное письмо, стиль как энтелехия эмигрантской легенды.

Apreleva Victoria Aleksandrovna

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences of Tyumen State University of Architecture and Construction
tel.: (912) 993-29-35

PHENOMENOLOGY OF NATIONAL DISCOURSE ON THE PERSONALITY NICHOLAS II

The article presents the comparison of critical and apologetic discourse on the personality and the reign of Nicholas II, the awareness of tsarist power in the various circles of the society of the 20th century. The monarch and the attitude to him appear as a subject of social phenomenology, and the research supplemented by the linguistic discourse, therefore, extends the framework and becomes integrated and multifaceted. The value of the article lies in the fact that for the acknowledgement of apologetic position the materials from personal archives of military Russian emigrants in France have been used.

Key words: criticism, apologetics, military emigration, monarchy, power, theme of guilt, penance, style, emphatic letter, style as entelechy of emigrant legend.

В последнее время исследования по истории российской монархии стремятся обосновать причины ее обреченности в России, и, якобы, готовности принять принципиально другую форму государственной власти. И какова роль в этом процессе самого Николая Александровича Романова, вступившего на российский престол по закону о престолонаследии в начале 1890-х гг. с ясной программой действий, желанием способствовать процветанию своего государства и впоследствии передачи царской власти своему наследнику? Историки, философы, политологи считают, что ответить на эти вопросы крайне важно, так как личность и характер власти Государя императора играли колоссальную роль в особенностях становления монархии в России начала XX в., накладывая заметный отпечаток на различные стороны общественной и политической деятельности.

Как строить дискурс о личности и правлении Николая II? Какими словами, красками рисовать портрет последнего императора России? Эти вопросы неизменно поднимаются перед любым исследователем эпохи последнего российского императора. Справедливо то, что однозначно ответить на эти вопросы невозможно. Одномерные подходы, схематизм, так долго определявшие понимание прошлого, не могут адекватно отразить сложное и противоречивое время монархической России.

В целом, содержание нахлынувших публикаций отражает существование двух тенденций в отечественной историографии относительно личности Николая Второго. Первая – резко **критическая**, вторая – **апологетическая**, возводящая последнего российского Императора в ранг выдающегося государственного деятеля, преданного своим окружением, принесшего поверженной России искупительную жертву вместе со своей семьей.

Содержание статьи – феноменология критического и апологетического дискурса о личности Николая II, о значимости царской власти в различных кругах общества XX в. Оценка личности самого Николая II посредством обращения к анализу дискурса возможна хотя бы потому, что в силу своей утонченной двусмысленности письмо раскрывает и то, какой монархическая власть является на самом деле, и то, какой она хотела бы выглядеть, что составляет предмет социальной феноменологии [2].

Для сравнения критической и апологетической позиций, используем типологию политических ориентаций Г. Алмонда и С. Верба, которая признается большинством западных и отечественных политологов. В соответствии с нею, рассмотрим:

познавательные ориентации (cognitive orientations) критиков и апологетов, которые фиксируют уровень и само наличие знаний об императоре и его правлении, о проводимых им реформах; победах и поражениях;

эмоциональные ориентации (affective orientations), обозначающие чувства и интерес, испытываемые по отношению к Николаю II;

оценочные ориентации (evaluational orientations), выражающие мнения или суждения, т. е. оценку личности Николая II и его правления.

Безусловно, эти ориентации абстрактны и символичны.

Познавательные ориентации

С уничижительно-критической позиции был создан целый корпус книг в России и Америке в 1960 – 1990-е гг. [1; 4; 9; 13].

Главная цель таких книг – развенчание Императора Николая II, как человека и государственного деятеля, резкая критика его духовного и физического образа. Кто субъекты критического подхода? Социал-демократы, советские историки, общественные деятели большевистского режима. Чем объяснялись обвинения, резкая критика в адрес Царя и его правления? Стремлением оправдать победу Октябрьского переворота, большевистский режим и советскую власть. Критическая позиция характерна и для большинства советских и постсоветских работ по истории российской монархии.

Особенностями аргументации в критических работах является цитирование информации, выгодной для подтверждения их точки зрения, пренебрежение фактами, которые противоречили их теориям и гипотезам. Страницы многих цитат и ссылки на очевидцев событий не обозначены точно, иногда приводимые цитаты вовсе не существуют.

Апологетическая тенденция характерна для русской монархической эмиграции. В эмигрантских архивах сохранились воспоминания о последнем императоре России тех, кто находился с ним рядом, общался, был свидетелем его решений или сомнений. Это бывшие министры, военные, подчиненные царя, его ближайшее окружение. На какой почве формировались апологетические установки? После победы большевиков многие дворяне, офицеры, образованная элита оказались на чужбине, став эмигрантами и образовав Зарубежную Россию. Тяжелой, полной лишений, оказалась жизнь эмиграции на чужбине. Генерал С. Позднышев вспоминал: «Сброшенные революцией с весов национальной истории, мы превратились, в подавляющей массе, в чернорабочих, ради куска хлеба. Тоска по родине сушила сердце, пока не зарубцевалась рана. Далекая, недоступная – она снилась нам во сне и наяву, как самая прекрасная, чудесная, одухотворенная страна...» [11, с. 8-9]. Русские эмигранты искали поддержки и помощи, чтобы выживать и сохранять потенциал личности и сознания. Практически все эмигранты, даже те из них, кто до эмиграции вовсе не был склонен к каким-либо национально-культурным пристрастиям, – становились носителями и проповедниками благоденствия и становления дореволюционной России, абсолютизация и эстетизация которой были порождены самой эмиграцией и усиливавшейся ностальгией по родине...

Эмигранты верили, что сущность монаршего служения Николая II почти мистического свойства и обычным практическим умом трудно постижима – «для этого нужно поколениями вскормленное особое монархическое сознание» [7, с. 4]. Монархия понималась как Божьей милостью отражение небесного милосердия, как явление трансцендентальное, как сила высшего порядка. А Государь-император – жалующий, милующий, прощающий, но требующий исполнения гражданского долга – являл собою в сознании русских эмигрантов высшую справедливость не земного источника, объединительное начало российской монархии.

Особенностями аргументации в апологетических работах является апеллирование к мнениям, представлениям, оценкам и выводам русских эмигрантов, которые лично знали Царя и были сохранены в материалах личных архивов русской эмиграции.

Эмоциональные ориентации

Для всей **критической литературы** характерны такие эмоциональные ориентации, как острая неприязнь к Романовым, стремление изобразить их личность и деятельность в карикатурном виде. Так, книга М. К. Касвинова повествует о жизни и деяниях царя и его ближайшего окружения, о «бесславном конце Николая Кровавого» [6].

При описании настроения народа, солдат, общественных деятелей, используются такие выражения, как «вступление в командование всей Армией Императора Николая II было встречено с недоверием и унынием». Авторы прибегают к циничным и вульгарным выражениям, пишут резко, оскорбительно в адрес царя и его окружения, не скупятся на издевку и сарказм [4, с. 169-171]. Напротив, **апологетические воспоминания** о личности Николая II военных – генералов, офицеров, пажей, – которые непосредственно видели и общались с царем, написаны с огромным душевным волнением и восхищением. Часто встречаются такие фразы, как «высшее счастье», «чувство восторга и обожания», «личная любовь к несравненному Императору», «преображение чувств», «готовность к совершению подвига». Например, в сборниках «Союз Пажей», выходивших неболь-

шим тиражом в странах Европы, США, приводятся воспоминания об Императоре, посещавшем Пажеский корпус до Первой мировой войны. Бывший паж Н. Попов пишет: «Эта последняя милость Государя к нам, милость, которой никакие корпуса, никакой полк еще не удостоивались, милость, подтвердившая всем, что Пажеский корпус был, есть и будет всегда ближе других к Государю, была высшим пунктом нашего счастья. Это была действительно награда за нашу любовь к Царю, за готовность нашу всем пожертвовать ради Него» [12, с. 4].

Тема вины – одна из центральных в эмигрантском повествовании. Так, отмечая все традиционные для критической позиции обвинения против Царя Николая II, автор заметки «Светлой памяти Государя императора Николая Александровича» А. Ефремов поставил самый важный вопрос истории XX в.: итак, кто же виновник преступления против России, против Монаршей власти, против будущего русского народа? Верноподданный перечисляет всех виновных. По его мнению, перед Помазанником Божиим, виноваты все сословия, генералы и члены Государственного Совета и Думы, крупная интеллигенция, больше заботившаяся о демократическом строе, чем о победоносном окончании Первой мировой войны. «Виновата знать, занимавшаяся, в своих великосветских салонах, сплетнями и клеветой; виноваты некоторые льстивые царедворцы, почуявшие опасность и разбежавшиеся от своего Благодетеля; виноваты и те, кто остался верен Царю, но не сумел Его защитить, оградить и отдать свою жизнь за Него. Кровь Царя Мученика на всех нас. За измену Русскому Царю до сих пор наказание еще несут все...» [3, с. 3].

Здесь звучит мотив трагической вины, мучительной совестливости о происходящем в истории России. Моральная вина предполагает солидарность между людьми, оказавшимися на чужбине, которая делала каждого ответственным за преступления, совершенные против монаршей власти, против Николая II. Никто, по Ефремову, не сумел предотвратить гибели Императорской семьи и крушения России в бездну – это роковое бездействие ложится на всех неизгладимой виной. Чувство вины, ощущение виновности изнутри – источник раскаяния и надежды на спасение и преображение России.

Оценочные ориентации

Для критической литературы характерна уничижительная оценка личности и правления Николая II. Выражается устойчивое убеждение, что именно личность императора сыграла огромную, поистине фатальную роль в крушении монархии в России. Было утрачено мистическое значение Государя в русской жизни. Значение его деятельности на благо России не только не понималось и не ценилось, но о нем говорили с насмешкой, с яростью. Постулировалось мнение, что каждый образованный человек может править государством не хуже Николая II. Отсюда снижение личности царя до уровня обыкновенного человека [4, 6, 9].

Напротив, апологетическая литература оценивает последнего монарха в превосходной степени, показывает свойственные ему множество благих дел, чистоту помыслов и величие целей. Жизнь последнего российского монарха осознается как крестный путь России, как судьба истинного православного христианина, погибшего как святой мученик за Россию и православную веру. В апологетическом дискурсе представлен светлый образ последнего русского царя. Согласно воспоминаниям тех, кто лично знал Николая II, его чертами были отмечены: вера в бога и в свой долг царского служения, духовная одаренность, благородство помыслов и поступков, живой ум, талант руководителя, упорство воли к осуществлению государственных планов, осмотрительность и такт, исключительное личное обаяние. Царская власть осознавалась как сила, опиравшаяся на крепкие традиции, которая была способна проводить глубокие и успешные реформы. Император Николай II представал инициатором многих экономических, социальных и земельных реформ, который вел Империю к прогрессу, благоденствию народа. Жизнь Государя и Государыни представляли собою образец, которому стремились следовать русские эмигранты [3; 7; 8; 11; 12].

Особенности стиля

Почти все, что было написано о последнем русском царе, было вызвано особенностями мировоззрения, политическими интересами, идеологическими пристрастиями авторов.

Критический стиль

1. Текст предложенных работ исходит из большевистских представлений и соответствующих им идеологических понятий. Лексика и риторика, оценивающие специфику царской власти, были сформированы в русле всей советской семиосферы и сферы прагматики. Текст американских демократов и советских историков сближали общая догматика, и политическая мифология, его аргументация обрамлена социал-демократической фразеологией. Социалистические выводы нетрудно соотносить с социал-демократической догматикой с ее постулатом об исторически неизбежном крахе монархии.

2. Критическое письмо однозначно; его лексическое единство позволяет давать единообразное объяснение действительности, характерное для тоталитарного общества, и выражения: «Са-

мовластие монарха», «властный произвол» «чиновничье-полицейский аппарат», нередкие для советского письма, служат указанием на совершенно определенный, конкретно-исторический процесс; они уподобляются алгебраическому символу.

3. Эпитеты в адрес Николая II и его власти удивительным образом повторяются не только в книгах американских демократов, но и в работах советских и постсоветских авторов. Так выражают себя стереотипы – предвзятые, субъективные обобщения, своего рода призма, через которую воспринимаются политические явления и идеи (термин Уолтер-Липпманна).

4. Тавтология – постоянный прием критического советского и постсоветского письма, ибо его цель – не обоснование фактов, но изображение жизни в монархии в заведомо негативном виде, непосредственное навязывание приговоров. Задача такого письма – фальсифицировать факты, безжалостно критикуя то, что не вписывается в систему советского мировоззрения.

Апологетический стиль

Апологетический подход выражает себя в классически верном стиле, в словесных выражениях, свойственных офицерству или дворянству, которые защищали Николая II, власть Царя как помазанника Божия. Это эмфатичное письмо. И если в результате эмиграции нормы этого письма не претерпели изменений (ибо носителем мыслительной энергии в целом продолжало оставаться одно и то же сословие, – дворяне, – и лишь его духовное начало усилилось в условиях изгнания), то сама исключительность условий, в которых протекала борьба эмиграции за сохранность национальных языковых, религиозных традиций, породила собственно апологетическое письмо. Своеобразие эмигрантского письма возникло за счет своеобразия исторического момента. Изгнание оказалось одним из таких решающих обстоятельств, когда восприятие монархического прошлого облекалось в предельно эмоциональные, возвышенные средства словесных преувеличений. Апологетика явилась тем самым эмфатическим жестом, который только и был органичен людям, ежедневно «всходящим на эшафот» – именно так возможно понимать эмигрантов, выживающих на чужбине. Язык, поражающий сегодня своим пафосом, в то время был под стать самой действительности. Он стал как бы энтелехией эмигрантской легенды: слова возвышали, побуждали и давали благословение на сопротивление забвению и предательству Идее монархии.

Дискурс о Николае II – сложившийся в XX в., выявляет феномен двойственности, амбивалентности критического и апологетического подходов к рассмотрению личности и правления Николая II. Это равнозначность двух противоположных смыслов и значений, открытость для различных и даже взаимоисключающих интерпретаций. В критическом подходе стиль, фразеология, метафоры и определения обусловлены идеологическими мерками и стереотипами большевизма, понятия монархической власти и ее решений ограничиваются узкими классовыми факторами, без учета многогранной общенародной, политической, религиозной, идейной, психологической жизни Николая II. В результате текст строится из фикций. В нем превалирует монологизм, категоричность. Прагматически-политические трактовки поглощают текст, лишенный эстетико-нравственных постулатов и гуманистических ориентаций.

В целом, критический подход к личности и правлению Николая II ангажирован партийной бюрократией, обслуживающей потребности тоталитарного советского общества. Внутри ангажированной, официальной исторической науки апологетика воспринималась как ересь, достойная осуждения.

В апологетическом подходе нашел свое выражение биографический метод источниковедения. Апологетике свойственна эстетическая составляющая, в частности, возвышенное осмысление личности Императора, ибо Государь для эмигрантов обладал несомненной положительной общественной значимостью, но в силу колоссальной масштабности не мог быть в свое время понят и полностью принят обществом. Именно поэтому личность Императора вызывала у апологетов чувство восторга или неопишуемой радости, к которому примешивалось чувство вины, боли и страдания. Время переживания событий начала XX в. для апологетов реально и сакрально, с ориентацией на диалогичность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. См: *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. М., 1989; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л., 1981.
2. *Барт Р.* Нулевая степень письма // Р. Барт: Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму/ пер. с фр. Г.К. Косикова. М., 2000.
3. *Ефремов А.* Светлой памяти Государя императора Николая Александровича. Верноподданный. Союз Дворян. 1954. № 2. // Личный Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Франция. Хр. 5. Яч. 23.

4. *Ерзин Э.А.* Дом на песке (Некоторые идейные и духовно-политические аспекты монархического правления в России) // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000.
5. Император Николай II и Великая война. Доклад, прочитанный на траурном собрании 12 июля 1964 г. генералом С.Д. Позднышевым // Помни правду. Издание Союза Ревнителів священной памяти Императора Николая II. Личный архив Протодиакона Германа Иванова-Тринадцатого. Лион. Франция.
6. *Касвинов М.* Двадцать три ступени вниз. М.–Л., 1979.
7. *Фон Клемм О.В.* Царская Россия. Несколько мыслей и воспоминаний // Союз Дворян. 1961. № XII. Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Хр. 5. Яч. 23.
8. *Фон Клемм О.В.* Царская Россия. Несколько мыслей и воспоминаний // Союз Дворян. 1962. № II. Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Хр. 5. Яч. 23.
9. *Осипов С.В.* Император Николай II: трагедия личности как часть трагедии народа // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000.
10. *Пагануцци П.* Правда об убийстве Царской семьи. Историко-критический очерк. Св. – Троицкий монастырь Джорданвилль. New York, 1981.
11. *Позднышев С.* Немеркнущий свет / С.Д. Позднышев: Сан Пауло (Бразилия), типография И.П. Остренского, июнь 1949 г. Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Хр. 3. Яч. 23.
12. *Попов Н.* Из сборника «Союз Пажей» № 7, 1906-1907 г. Архив Николая фон Бурмейстера. Лион-Гренобль. Хр. 7, Яч. 8.
13. *Репина Т.А.* Николай II – обреченность личности // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000.